

Борьба классов. 1932, № 12

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>П. ПОСТЫШЕВ</i>	К НОВЫМ БОЯМ ЗА ПОБЕДУ СОЦИАЛИЗМА	2
<i>С. ГУСЕВ</i>	ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ	20
<i>Н. КАРНАТОВСКИЙ</i>	ПАРТИЯ И ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ	62
<i>Б. ВОЛИН</i>	О ШТРЕЙКБРЕХЕРАХ ОКТЯБРЯ И ПОСОБНИКАХ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ (ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА)	92
<i>А. ПАНКРАТОВА</i>	ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ	102
<i>М. КАРМИН</i>	ГЕРМАНСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ В БОРЬБЕ С ИНТЕРВЕНЦИЕЙ . .	142
<i>ЖАН ДЮПЕЙИ</i>	ОТКЛИКИ ОКТЯБРЯ НА ФАБРИКАХ И ВЕРФЯХ ЛУАРЫ . . .	170
<i>А. ПОЛЯКОВ</i>	ЯНВАРСКОЕ ВОССТАНИЕ В БЕРЛИНЕ В 1919 ГОДУ	174
<i>Е. РУБИНШТЕЙН</i>	ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В РЕВОЛЮЦИИ 1923 ГОДА	216
ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕННЫХ ВОССТАНИЙ		
<i>А. МОЛОК</i>	ИЮньСКОЕ ВОССТАНИЕ 1848 ГОДА	243
ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ		
<i>Н. Г. ПОПОВ</i>	„ПУТИЛОВЕЦ“ В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ	280
ДОКУМЕНТЫ		
<i>М. ЛУРЬЕ</i>	ОКТЯБРЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КРАСНОЙ ГВАРДИИ ВЫБОРГСКОГО РАЙОНА	299
БИБЛИОГРАФИЯ		
<i>А. ПАЛЪЯН</i>	К. ШРАДЕР И Ф. ФУРТВЕНГЛЕР — „ТРУДЯЩАЯСЯ ИНДИЯ“ . .	313

На стр. 1 помещено фото А. Родченко „Привет Сталину“; на стр. 24-25 помещены фотомонтажи В. Степановой „Ленин“, „Краснознаменный флот“ (фото Н. Ш. Герцер) из выходящей в Изюгиз книги „Страна стройки“

Ответственный редактор **М. Н. ПОКРОВСКИЙ.**

Редакционная коллегия: **Б. ВОЛИН** (зам. ответственного редактора),
Л. МЕХЛИЧ, **А. ПАНКРАТОВА**, **И. ТОКИН** (ответственный секретарь)

Художник журнала **ВАРВАРА СТЕПАНОВА**

Адрес редакции: Москва, ул. им. Горького, 8. Тел. 4-85-62

Веб-публикация **Vive Liberto 2014**

ИЮНЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

Александр Иванович Молок

1848 г.

Небывалый экономический кризис, потрясающий весь капиталистический мир, все отрасли его хозяйства и перерастающий уже в кризис политический, приводит к обострению классовой борьбы пролетариата и трудящихся вообще к нарастанию, хотя и неравномерному, в ряде стран предпосылок революционного кризиса. В такой момент, когда то в одном, то в другом пункте капиталистической Европы рабочий класс, развивая свое контрнаступление, все чаще и чаще меняет «оружие критики» на «критику оружием», все чаще и чаще возводит баррикады, изучение опыта вооруженных восстаний прошлого, даже неудачных, приобретает особенное значение как необходимая составная часть морального и материального вооружения пролетариата к предстоящим ему решающим боям за власть. И это относится не только к таким восстаниям, как гамбургское 1923 г. или краковское того же года, ревельское 1924 г. или венское 1927 г., но даже к такому сравнительно отдаленному событию, как июньская битва 1848 г. в Париже, которая разыгралась в эпоху развивающегося домонополистического капитализма. Но ее исход определил на целые десятилетия судьбу не только Франции, но и — можно без преувеличения сказать — всей Европы. Это восстание окончательно отбросило буржуазию в лагерь контрреволюции, окончательно определило социалистическую природу одного пролетариата. Опыт июньских баррикад 1848 г. наряду с опытом других восстаний рабочего класса лег в основу марксистско-ленинской теории вооруженного восстания, этой высшей формы классовой борьбы пролетариата, этого единственного пути к свержению капитализма.

1

«Никогда еще революционное движение, — писал Маркс, — не открывалось такой удивительной увертюрой, как революционное движение 1848 г. Папа давал ему церковное благословение, золотая арфа Ламартина напевала мягкие филантропические мотивы, текст которых означал братство и примирение отдельных членов общества и целых народов». Во Франции, стоявшей тогда в авангарде европейской революции, рабочий класс безмятежно ушивался своей февральской победой. Опытные победы были так велики, что он явно преувеличивал ее размеры. Завоевав демократическую республику и демократические свободы — свободу печати, право союзов и собраний, — добившись декрета о «праве

на труд» и создания государственной «комиссии о рабочих», настояв на включении в состав буржуазного в своем большинстве временного правительства людей, в которых он видел своих представителей, пролетариат считал, что он уже завоевал свое освобождение, между тем как в действительности он завоевал «только почву для борьбы за это освобождение». Падение господства одной из фракций буржуазии — ее финансовой верхушки — он принимал за падение буржуазного господства в целом и долго не догадывался о том, что свергнул «лишь врага своего врага — общего врага». Именно поэтому он в значительной своей части еще верил «социалистам» вроде Луи Блана, которые своими сладкими речами о происшедшем якобы исчезновении классов лишь усыпляли его, пролетариата, классовую бдительность. В том же направлении действовала и тактика самой буржуазии, тактика, которую старик Араго, некогда популярный в предместьях ученый, оправдывал потом цинично откровенным признанием: «Мы не имели тогда зубов, чтобы быть в состоянии кусаться». Словно по мановению волшебной палочки, все монархисты превратились вдруг в республиканцев, все капиталисты — в рабочих, аристократы «отрекались» от своих титулов, буржуа — от своих капиталов. По выражению одного современника, «рабочий стал героем дня, с ним обращались, как с новоиспеченным властелином». Другой буржуазный современник писал: «Мы все надеваем грубые башмаки, ходим без зонтиков и стараемся насколько возможно походить на наших пролетариев». Это лицемерное раболепство имущих классов перед победоносным блузником — раболепство, за которым скрывался страх, — нашло свое выражение в популярном тогда двустишии: «Долой шляпу перед картузом! На колени перед рабочим!»

Эта «идиллия» длилась недолго, она была призрачной с самого начала.

С 24 февраля, рассказывают генерал Бедо, агент царской охраны Яков Тотстой, рассказывают другие современники, у Ламартина и его буржуазных коллег по временному правительству был один страх — перед выступлениями слева. Одна забота владелими — загнать обратно в клетку вырвавшегося на свободу «зверя», «очистить. — как выражается Толстой, — Париж от разбойничьей шайки, составляющей основу того, что здесь называют «суверенным народом». Но начинать надо было с того, чтобы усыпить его бдительность, обмануть его подозрительность. И вот шли на подачи и уступки правда такие, которые ничего или почти ничего не давали, ничего или почти ничего не уступали. Массы требовали «права на труд», — правительство издавало декрет о «праве на труд», не принимая никаких действительных мер по борьбе с безработицей. Массы требовали «уничтожения эксплуатации человека человеком», «организации труда», «министерства труда», — правительство создавало бессильную говорильню, лишённую аппарата и бюджета, под пышным названием «Правительственная комиссия о рабочих», которой отводилось пышное помещение Люксембургского дворца. «Меня заставляли читать лекции о голоде перед голодными» — так определял потом роль, сыгранную им в этой комиссии, соглашатель Луи Блан, который вместе со вторым «социалистическим» членом правительства Атьбером был таким образом с самого начала отстранен от настоящей политики.

Массы требовали немедленного провозглашения республики — правительство вынуждено было после некоторого промедления пойти на эту «узурпацию» прав будущего «народного» представительства. Но массы хотели, чтобы знаменем новой республики было красное знамя, под которым они сражались на баррикадах, — «высокопарный негодяй» Ламартин, «главноуправляющий» этого правительства, подсунул им компромисс — трёхцветное знамя с красной розеткой. Массы требовали работы, — им дали подобие работы под громким названием национальных мастерских. Эти организованные по-военному «работы» должны были — по мысли их учредителя адвоката Мари — воспитать армию законопослушных рабочих, которых можно было бы в нужный момент «вывести на улицу», противопоставить «клубистам». Для обработки безработных, в изобилии стекавшихся в названные мастерские, был создан особый клуб, субсидированный из секретных фондов. В то же время мелкой буржуазии и крестьянству усиленно внушалось, что виновниками этого дорогостоящего предприятия, этих непроизводительных для государства расходов являются беспокойные парижские рабочие, их «вождь» Луи Блан (ведь он был членом нового правительства!), их идеал — социализм, который и «был таким образом выставлен у позорного столба». Чтобы создать себе надёжную военную опору, временное правительство в лице двух членов его умеренного большинства, Ламартина и Гарнье-Пажеса, уже утром 25 февраля — в первые же часы своего существования! — декретирует образование 24 батальонов мобильной гвардии, которая с самого начала ставится в привилегированное материальное положение. «Любовь, вино и табак» — таков был девиз этих новых преторианцев, которые вербуются преимущественно среди люмпенпролетарских слоев города. Скоро они оправдают возлагаемые на них надежды.

Состоявшаяся 17 марта демонстрация вновь показала, что пролетариат не отказывается от своей борьбы за гегемонию в революции, что без боя он не уступит места начинающей поднимать голову реакции, ее «черным скуртукам», «мохнатым шапкам» ее лейб-гвардии. И вот делаются первые, пока только частичные, попытки — пока только «мирным» путем — отнять у рабочих оружие. 23 марта мэр Монмартра Костен «приглашает своих сограждан» принять к сведению и исполнению следующий циркуляр комиссара временного правительства в округе Сен-Лени (ближе Парижа) де-Ланглар от 21 числа того же месяца

«Ряды национальной гвардии необычайно расширились со времени революции 1848 г., — мы можем себя с этим поздравить. Однако налицо нехватка оружия для всех записавшихся граждан; с другой стороны, надо полагать, что те из них, которых заставило пести службу рвение, не смогут продолжать ее, когда работы полностью возобновятся.

Впредь следует выдавать оружие только тем гражданам, которые тотчас же смогут обзавестись мундиром и экипироваться и для которых служба не будет слишком обременительна. Прочие (национальные гвардейцы.—А. М.) будут по прибытии в караульный пост получать ружье, которое они там и оставляют по окончании своего дежурства».

Так выступала буржуазия уже в марте, менее чем через месяц после победоносной народной революции! Чтобы не допустить дальнейшего развития последней, чтобы удержать ее в рамках умереннейшей «реформы» существующего строя, реакция не останавливается ни перед чем. 31 марта в печати появляется «документ Ташеро», грязная фальшивка, посредством которой надеются дискредитировать и обезвредить ненавистного всей буржуазии коммуниста Бланки, представив его предателем, выдавшим в 1839 г. своих товарищей полиции. Эта чудовищная клевета рассчитана конечно на то, чтобы парализовать борьбу Бланки и близких к нему групп революционеров за завоевание масс на сторону продолжения и углубления совершенной в феврале революции...

«Братство», как и предвидел Маркс в своем выступлении в «Клубе немецких рабочих» в Париже, продолжалось до тех пор, пока под прикрытием этого лозунга буржуазия не оказалась в состоянии собраться с силами и перейти в наступление. События 16 апреля показали, что она уже успела подтянуть к себе резервы. В этот день против демонстрации революционных рабочих выступил не только вождь умеренного крыла мелкой буржуазии министр Ледрю-Роллен, но и бывший подпольщик, председатель Клуба революции якобинец Барбес. Улицы Парижа огласились дикими воплями: «Долой Бланки! В воду коммунистов!» Мимо дома, где жил автор коммунистической утопии «Путешествие в Икарию», защитники «порядка» пронесли пустой гроб с надписью: «Смерть Кабе». До вооруженного столкновения дело не дошло, но правительство воспользовалось паникой среди буржуазии, чтобы ввести в Париж несколько новых полков.

Конец апреля ознаменовался событиями, которые показали, какие успехи сделала за два месяца реакция. 23-го состоялись выборы в Учредительное собрание, на которых рабочий класс потерпел жестокое поражение. «Несчастные крестьяне, доведенные, — по выражению одного современника, — до положения крепостных», но обманутые своими эксплуататорами, голосовали за отъявленных монархистов из числа местных попов, кабатчиков, кулаков и помещиков. Последние сумели внушить трудящимся массам деревни, что в обрушившихся на них после февраля новых бедствиях — увеличении прямых налогов на 45 проц. — повинны парижские рабочие, совершившие эту революцию. И крестьянство поверило, что «красный — это не человек», а сторонник всеобщей дележки, которая отнимет у бедняка его жалкий клочок земли, заложенный и перезаложенный, и угонит его единственную кормилицу — корову. Недаром революционные клубы Парижа требовали отсрочки выборов, такой отсрочки, которая дала бы возможность пролетарским центрам увлечь за собой трудовую деревню. Результаты выборов были таковы, что Бланки — одна из самых светлых голов среди тогдашних вождей французского пролетариата — мог сделать только один вывод, который оказался пророческим. Гражданская война теперь неизбежна».

«Братья! Денежная аристократия пытается использовать в своих интересах республику 1848 г., подобно тому, как она уже использовала монархию 1830 г... Будем единодушны, и новая конституция освободит нас от ига капитала, подобно тому, как февральские баррикады освободили нас от избирательного' ценза в 200 франков». Так писали незадолго до апрельских выборов рабочие города Пуатье к рабочим департамента Вьенны. Эта цитата хорошо передает социалистические стремления пролетариата, но она же говорит об иллюзиях, которые он питал тогда в отношении Учредительного собрания. Между тем выборы в последнее показали, что без новых баррикад рабочий класс не только не завоеует своего освобождения, но рискует потерять даже то небольшое, чего он добился в феврале. С тех пор прошло всего два месяца, а уже улицы ряда французских городов — Руана, Эльбефа, Лиможа — обогрились рабочей кровью. Особенно крупное столкновение, спровоцированное буржуазией, произошло в Руане, рабочие массы которого два дня держались против об'единенных сил регулярных войск и национальной гвардии. Впечатление, произведенное на умы руанской бойней 27—28 апреля, было потрясающим. «Итак, в республике есть буржуа и есть рабочие!»—с изумлением должны были констатировать те, кто еще не разделался с февральскими иллюзиями. Клуб Бланки выпустил пламенную прокламацию, в которой требовал сурового наказания буржуазным убийцам. В других революционных клубах требовали немедленного похода на Руан для расправы с этим очагом контрреволюции. Возбуждение еще более усилилось, когда из-за границы стали приходить известия о неудачах польских повстанцев, о кровавой бане в Кракове. Начальник тайной полиции Карлье уже 3 мая высказывал убеждение, что вооруженная борьба в Париже может всяких

нуть со дня на день, но утешал себя тем, что в этой борьбе революционные нервы будут раздавлены, после чего начнется «реакция, которую уже ничто не остановит».

В такой обстановке открылось 4 мая Учредительное собрание. Буржуазия — не только французская, но и международная — была вполне удовлетворена его составом. «Наконец-то мы можем хоть немного вздохнуть; выборы таковы, что можно надеяться на установление разумной республики» — писал маршал Бюжо, один из столпов свергнутого в феврале режима. «Выборы превосходны, — заявляет либеральный экономист Леон Фоше. — Ясно, что мы вступаем в новый и лучший период». «Выборы превзошли самые оптимистические ожидания» — признается граф Аппоньи, атташе австрийского посольства в Париже. В таком же духе высказывались дипломатические представители других государств. Английский посол в Берлине лорд Вестморланд считал необходимым специально поздравить Ламартина с этой «победой порядка». Даже агент царской охраны Яков Толстой и тот был доволен: «Ни старания, ни интриги, ни насилия демагогической партии, — доносил он в Петербург, — не могли все же помешать Франции избрать собрание, состав которого в большинстве своем для такого времени, как настоящее, может быть назван умеренным и благоразумным». Действительно, несмотря на свое «демократическое» происхождение, «хозяин страны» оказался парламентом адвокатов и попов, фабрикантов и помещиков. Среди них было немало монархистов, изображавших собой убежденных республиканцев. Эта маскировка вызывалась всеобщим тогда убеждением, что только республика может объединить все силы собственной Франции в священную фалангу «порядка» и поднять их на борьбу против пролетариата.

Собственники не ошиблись в своих надеждах на Учредительное собрание. Недаром буржуазная пресса всех оттенков поспешила выкинуть лозунг неприкосновенности последнего и призвать национальную гвардию к защите «храма законности» от покушений со стороны «анархии». Возможность таких покушений мотивировалась ссылкой на то, что «блузы — эти проклятые блузы», как с тревогой отмечала жена английского посла в Париже, — продолжают вмешиваться во все и нарушать свободу парламентских прений Действительно, массы с недоверием следили за тем, что говорилось и делалось в Бурбонском дворце. Первые же шаги Учредительного собрания вызвали бурю протестов. Избрание адвоката Сенара, виновника руанской бойни, на пост заместителя председателя палаты было принято как прямой вызов. С неменьшим негодованием был встречен провал предложения Луи Блана об организации «министерства труда и прогресса». 9 мая в клубе Бланки один из ораторов под гром аплодисментов угрожал реакционному большинству палаты насильственным разгоном. В тот же день в клубе Общества прав человека принимается резолюция о поголовном вооружении его членов. Тем временем Учредительное собрание делает новый шаг по пути реакции, исключая из состава Исполнительной комиссии людей, которых пролетариат выдвинул во временное правительство как своих представителей, — Луи Блана и рабочего Альбера.

15 мая массы вышли на улицу. Рабочие демонстранты прорвались к дворцу Учредительного собрания и проникли в зал его заседаний. Демонстрация была организована клубами, которые хотели оказать давление на палату и заставить ее отказаться от своего реакционного курса. Занявшие трибуну ораторы потребовали от перепуганного насмерть собрания немедленного осуществления народных требований: активной поддержки борющихся за свою национальную независимость поляков путем объявления революционной войны России, Пруссии, Австрии, следствия и суда над убийцами руанских рабочих, миллиардного налога на богатых, борьбы с ужасающей нищетой масс и организации труда для уничтожения эксплуатации человека человеком Лучше других

увязал вопросы внутренней и внешней политики Бланки. Что касается Луи Блана, то, верный своей соглашательской линии, он уговаривал рабочих разойтись. Между тем правительство приняло свои меры. Национальная гвардия буржуазных и мелкобуржуазных районов столицы поспешила на выручку «народного» представительства. А демонстранты, лишенные правильного руководства, теряли время на разговоры. Правда, Учредительное собрание было объявлено распущенным, правда, в городской ратуше Парижа было провозглашено новое правительство, составленное из революционеров и социалистов разного направления, но ничего не было сделано для мобилизации рабочих районов и закрепления результатов совершонного переворота. Неудивительно, что день 15 мая закончился полным торжеством «порядка». Безоружные демонстранты были без труда рассеяны войсками. Преданнейшие вожди пролетариата — в том числе Бланки — были арестованы. Буржуазия могла быть довольна: массы были обезглавлены накануне решающего столкновения.

3

«Февральские иллюзии более невозможны: за три месяца мы ушли на десять лет назад» — констатировала 20 мая газета «Парижская коммуна», орган революционных клубов. Действительно, реакция усиливалась с каждым днем. Провал демонстрации 15 мая послужил сигналом к дальнейшему наступлению на пролетариат, февральские завоевания которого начали открыто оспариваться буржуазией Устами своего мими

отра общественных работ она с дикиной откровенностью заявляет, что теперь речь идет лишь о том, чтобы «вернуть труд в его прежние условия». Одновременно она всячески старается переложить на плечи пролетариата все издержки по ликвидации промышленного кризиса, развязавшего февральскую революцию.

Массовые аресты, закрытие революционных клубов, ограничение права подачи петиций, драконовский закон 7 июня о сборищах дополняются походом против существующих условий труда, в первую очередь против мартовского декрета о рабочем дне, сократившего его длительность на один час. Торговые палаты в один голос требуют отмены этого декрета, причитавшего, по их словам, серьезный ущерб промышленности. Отдельные предприниматели явочным порядком переходят к 12-, а то и к 14-часовому рабочему дню. В департаменте Нижней Сены префект Дюссар под англодисменты всей буржуазной прессы собственной властью аннулирует ненавистный декрет. В то же время усиливается наступление и на заработную плату рабочих.

Буржуазная реакция наталкивается на повсеместное, хотя и разрозненное сопротивление пролетариата. Не только в Париже, но и в Лионе, Нанте, Марселе, Лилле и других городах пролетариат продолжает свою борьбу за гегемонию в революции, против наглежащей с каждым днем реакции. Стачечные бои и развертывание профессиональных организаций дополняются борьбой за улицу. Вопреки свирепому закону о сборищах, толпы народа, среди которых блуза решительно преобладает над сюртуком, собираются каждый вечер у заставы Сен-Дени, у заставы Сен-Мартен, в районе Бурбонского дворца и в других пунктах столицы. Разгоняемые национальной гвардией и полицией, эти импровизированные уличные клубы переходят с места на место. Здесь резко критикуется реакционная политика правительства; возгласы «Долой Учредительное собрание», «Долой аристократов», «Долой буржуазию» перемежаются с возгласами в честь арестованных 15 мая революционеров и угрозам по адресу их тюремщиков. Полицейские донесения с тревогой отмечают это растущее возбуждение умов в рабочих кварталах столицы. Не менее «тревожные» вести приходят из провинциальных городов. Непокойно и в деревне, трудящиеся массы которой отказываются от уплаты ненавистного 45-сантимогового налога. Состоявшиеся 4 июня дополнительные выборы в Учредительное собрание дали новое доказательство растущего обострения классово-борьбы в стране. Промежуточные партии потерпели в Париже полное поражение. «Столица, — писала под впечатлением этих выборов одна буржуазная газета, — разделена теперь на два лагеря, отделенных друг от друга глубокой пропастью». На одной стороне — вздыхающие о прошлом, на другой — сторонники «социального обновления»...

Буржуазия усиленно готовится к столкновению, близость которого становится все более явственной. Максим Дюкан — будущий академик и «историк» Коммуны — рассказывает в своих воспоминаниях, как еще в первых числах мая он застал своего дядю за набивкою ружейных патронов английским порохом. «Я готовлюсь к битве, которая должна разразиться в скором времени, и советую тебе заняться тем же» — заявил этот буржуа своему удивленному гостю. Убеждение в неизбежности нового восстания было столь велико, что 21 мая, отправляясь на «праздник Согласия», многие члены Учредительного собрания тайком запасались оружием. Когда в начале июня по инициативе газеты «Отец Дюшен» начались приготовления к организации грандиозного «народного банкета» в окрестностях Парижа, эти приготовления были восприняты как подготовка к вооруженному выступлению; власти опасались, как бы участники банкета не двинулись на освобождение узников Венсенского замка. Полиция работает не покладая рук; из провинции стягиваются все новые и новые войска; адвокаты и лавочники в мундирах национальной гвардии

братаются с солдатами и офицерами прибывающих в Париж полков, с деклассированными подростками из вновь образованной летучей гвардии. Злобные выпады реакционной прессы как будто намеренно провоцируют столкновение.

Брожение питается крайне бедственным положением масс. Несмотря на начавшийся перелом в развитии экономического кризиса, голод и безработица свирепствуют во-всю. «Я наталкиваюсь на страдания, которые меня пугают и приводят в отчаяние» — откровенно признается в письме от 13 июня директор национальных мастеровских инженер Лаланн:

Один из помощников мэра 8-го округа,—продолжает он,— только что сообщил мне, что более 5—6 тысяч рабочих этого округа уже давно сидят без работы. они просят хлеба, которого у них

нет. Несколько тысяч граждан 12-го округа находятся в таком же точно положении. Я только что принял 60 безработных этого округа... Эти 60 человек с утра еще ничего не имели во рту и не знают, удастся ли поесть вечером; при этом многие из них — люди семейные... Нищета усиливается с каждым днем и грозит все затопить. Необходимо воздвигнуть какую-нибудь плотину и сделать это, не теряя ни минуты, если только вы не хотите, чтобы общество очутилось на краю гибели...

«Надо с этим покончить!» — эти слова становятся лозунгом дня буржуазной реакции, в этих словах находят свое выражение намерение Учредительного собрания принудить пролетариат к уличной битве с тем, чтобы разоружить его.

Поводом к решающему столкновению послужил поход против национальных мастерских, — под этим пышным названием скрывались организованные еще в феврале общественные работы для безработных. Они уже давно мозолили глаза буржуазии, особенно с тех пор, как выяснилось, что они не оправдали возлагавшихся на них надежд и превратились в «армию лени и мятежа», насчитывавшую сто с лишним тысяч человек. из коих многие имели оружие. 24 мая министр общественных работ Трела принял решение, означавшее первый шаг к ликвидации национальных мастерских. Все холостые рабочие в возрасте от 18 до 25 лет приглашались под угрозой немедленного исключения из списков «записываться в армию республики»; все пришедшие рабочие подлежали безусловному исключению из списков; остающиеся в списках рабочие переводились с почасной оплаты на сдельную (в условиях национальных мастерских это означало резкое снижение заработной платы). Занятые в национальных мастерских рабочие подвергаются грубо клеветническим выпадам как на столбцах реакционных газет, так и с трибуны Учредительного собрания. Со всех концов Франции в Париж стекаются петиции, настаивающие на скорейшей ликвидации ненавистного учреждения. Буржуазия стремится использовать начинающееся промышленное оживление для нового нажима на рабочий класс: рынок труда должен пополниться новыми тысячами дешевых рабочих рук, заработная плата работающих должна быть снижена...

22 июня в официальном органе правительства появилось распоряжение, в силу которого все холостые рабочие в возрасте от 18 до 25 лет, внесенные в списки национальных мастерских, подлежали зачислению в армию, все остальные — отправке небольшими партиями на земляные работы в провинцию.

Распоряжение это вызвало страшное возмущение среди рабочих. Это возмущение еще усилилось, когда стал известен ответ правительства рабочей делегации, во главе которой стоял публицист Пюжоль, член бюро клуба Бланки. Делегаты были приняты адвокатом Мари, который грубо прервал их и заявил, что если рабочие не захотят подчиниться декрету, их принудят к этому силой. Члены «Центрального бюро бригадиров национальных мастерских» обратились к министру общественных работ с письмом, в котором протестовали против принятого решения.

От имени рабочих, которых мы представляем, мы заявляем, что ни один из них не оставит Парижа до тех пор, пока не будет выработана и принята народом демократическая, социальная и народная конструкция, которая обеспечит неприкосновенность священной для нас республики; после того, как это будет сделано, мы подчинимся законам, которые будут приняты в интересах всего общества.

В таком же духе высказывался и «Комитет делегатов национальных мастерских 12-го округа» Газета «Организация труда» открыто при

ывала к восстанию. Вечером 22 июня на площади Пантеона состоялась большая рабочая демонстрация протеста, на которой решено было взяться за оружие. Утром следующего дня — 23 июня — Париж покрылся баррикадами, и восстание началось.

4

«Июньская революция, — писал Маркс, — впервые расколола все общество на два враждебных лагеря — на восточный и западный Париж. Все пространство на восток было занято и укреплено рабочими. Со стороны запада нападала буржуазия и отсюда же подходили ее подкрепления». Восстание охватило не только рабочие районы самого Парижа, но и населенные рабочими пригороды — Бельвилль, Монмартр, Ля-Виллет, Ля-Шапель, Иври, — частью включенные потом в черту города. О размахе начавшейся борьбы можно судить по тому, что современники сравнивали ее с прославленной в летописях наполеоновских войн Лейпцигской битвой народов (16—19/X 1813). Число снарядов, выпущенных войсками, составило, по словам генерала Ламорисьера, около двух миллионов.

Взрыв восстания вызвал страшную панику среди буржуазии. Сохранившиеся в архивах неожиданные донесения полиции хорошо отражают эту панику, вызванную растущим размахом движения. Вот несколько отрывков из донесений за 23 июня. В 8½ час. утра «служба безопасности» сообщает: «Сборище увеличивается заметным образом, развешивают знамена и флаги, поговаривают о намерении отправиться всей массой к Национальному собранию или выделить делегатов, которые одни будут посланы туда. Несколько агентов или принятых за таковые преследуются толпой...» В 10 ч. 45 м. начальник кабинета префекта сообщает: «Колонна в тысячу десять рабочих направляется к палате». Через полчаса префектура шлет новое, еще более тревожное донесение — о начинающемся вооруженном восстании:

На улице Сен-Мартен раздаются крики: «К оружию!», «На баррикады!»

Улица Сен-Дени до того забита людьми, что по ней невозможно пройти. Говорят, что там возводятся баррикады, лавки повсюду закрываются.

В доме № 10 по набережной Сыромятников только что разграблена лавка оружейника...

Рота стрелков выступила против двух баррикад, построенных у входа на улицу Пти-Пон и охраняемых вооруженными людьми. Как только инсургенты увидели войска, они дали по ним два залпа, стрелки отвечали тем же.

200 — 300 человек возводят две баррикады на бульваре Сен-Дени и приступают к постройке третьей...

В 11-м округе возводятся баррикады, повсюду разносятся клич. «К оружию!»

Возле площади Бастилии и на бульварах рабочие строят баррикады.

Полдень... При входе на улицу Планш-Мибрэ высятся баррикада У заставы Сен-Дени, у заставы Сен-Мартен опрокидываются повозки для постройки баррикад. Если не будут приняты решительные меры, если движению дано будет разрастись, мы можем, судя по донесениям агентов, ждать второго издания февраля.

Баррикады высятся на улице Сен-Виктор, в верхней части улицы Сен-Жак, вооруженные люди спускаются из этого предместья.

Другой рапорт полиции, составленный в середине того же дня (23 июня), дает такую картину:

Мятеж бушует на территории от бульваров до набережных.

Баррикалы у заставы Сен-Дени. Баррикады на набережной Жевр, против префектуры. Войск не видно. Офицер мобильной гвардии обезоружен, его отряд поспешно отступил во Дворец юстиции Лавка оружейника Лейд в доме № 16 по набережной Жевр разгромлена, он отдав сабли и кинжалы; на улице Планш-Мибрэ опрокинут омнибус. Всюду от набережной до бульваров двери запираются, жители в панике, массы на улицах крайне возбуждены...

Был момент, когда победа инсургентов казалась их врагам несомненной. Тьер настаивал на эвакуации Учредительного собрания и выводе войск из Парижа. Исполнительная комиссия, которую обвиняли к недостатку энергии, была вынуждена подать в отставку, и вся полнота власти была 24 июня вручена военному министру, алжирскому генералу Кавеньяку. Во все концы Франции полетели телеграммы правительства, умоляющие о присылке подкреплений. Диктатор Кавеньяк пустил в ход против восставших огонь тяжелой артиллерии.

Четыре дня—23, 24, 25 и 26 июня—держались 45—50 тысяч слабо вооруженных рабочих против четверо более сильного противника. Героизм, проявленный ими в борьбе, порастил даже их заклятых врагов. «Инсургенты повсюду дерутся, как львы, — писал парижский корреспондент одной немецкой консервативной газеты. — Это борьба не на жизнь, а на смерть, между лавочником и рабочим. Первый сражается с мужеством, вынуженным страхом, второй—с мужеством, вынуженным отчаянием». Последившие в боях генералы становились втучик перед стойкостью баррикадных бойцов. Удивление вызывало и то беспримерное искусство, с которым сооружались баррикады, возвышавшиеся иногда до высоты трехэтажных домов. Многие из них были снесены только пушечными ядрами, да и то не сразу. Число баррикад достигало небывалой для парижских восстаний цифры — 414 (по другим данным свыше 600, по третьем — до 3.000). Особенно хорошо укреплено было прославленное в летописях революций рабочее Сент-Антуанское предместье. Недостаток в снарядах инсургенты восполняли тысячами способов, превращая в пули все, что только было возможно. С невероятной быстротой они даже отлили две пушки, которыми однако не успели воспользоваться.

Но этим героям недоставало объединенного руководства и правильной тактики. Делались, правда, попытки объединить действия инсургентов в отдельных районах. Так, командующий баррикадами в одном из кварталов 9-го округа пытался держать связь с бойцами Сент-Антуанского предместья. Но эти разрозненные попытки не привели к действительному объединению сил восстания и к выработке общего плана борьбы.

Основную массу сражающихся составляли рабочие национальных мастерских. Разбитые на взводы, бригады, отделения, они сражались теми же группами, какими работали. К ним присоединились рабочие, занятые в городских и частных предприятиях, а также безработные. Особо следует отметить участие железнодорожников, которые препятствовали перевозке из провинции войск, предназначенных для подавления восстания. Наряду с национальными мастерскими организующую роль играли повидимому и профессиональные объединения, вроде например «Общества взаимопомощи механиков». По признанию современников из буржуазной среды, «весь рабочий класс столицы принимал участие в борьбе если не руками, то сердцем». Даже в той части Парижа, где не было баррикад, буржуазия чувствовала себя, как в осажденной крепости. Историк Токвиль, бывший тогда депутатом, рассказывает в своих воспоминаниях, какой страх внушила ему в эти дни его домашняя прислуга; страх этот был так велик, что, возвращаясь из ночного заседания Учредительного собрания, он старался

пропустить вперед своего привратника и зорко следил за каждым его движением.

«Хлеба или свинца! Свинца или работы!» — под такими лозунгами — старыми лионскими лозунгами 1831 и 1834 гг. — началось это восстание. Но было бы большой ошибкой думать, что оно ими ограничилось. Развешавшиеся над баррикадами знамена пестрели надписями и другого порядка. «Да здравствует демократически-социальная республика!» — таков был наиболее распространенный лозунг восстания. На вопрос, что понимают они под этими словами, пленные бойцы баррикад отвечали: «Правительство рабочих». «Демократически-социальная республика» противопоставлялась ими, как свидетельствует и современная событиями медаль, «республике капитала и привилегий». Один современник сообщает, что видел знамя с надписью следующего содержания:

ГОРШЕЧНИКИ!

Да здравствует демократически-социальная республика!

Долой эксплуатацию человека человеком!

Да здравствует организация труда через ассоциацию!

По баррикадам распространялись в разных вариантах списки членов «Правительства демократически-социальной республики», которое должно было быть провозглашено в случае победы восстания. Наиболее полный список, происхождение которого, как и всех других, остается невыясненным, включал в себя имена семи социалистов — Бланки, Распайля, Пьера Леру, Кабэ, Прудона, Луи Блана и Альберта — и четырех мелкобуржуазных демократов — Барбеса, Коссидьера, Торэ и Собрисе.

Можно с большой уверенностью предположить, что если бы дело действительно дошло до образования такого правительства, то очень многие из названных здесь имен исчезли бы раньше или позже из оборота. Это одинаково относится как к мелкобуржуазным социалистам типа Пьера Леру, Прудона, Луи Блана, принципиальным противникам классовой борьбы и революционной диктатуры, так и к мелкобуржуазным демократам типа Коссидьера и Торэ, считавших себя наследниками якобинцев первой революции, но бывших только их жалкими эпигонами. Несомненно однако и то, что многие мелкобуржуазные революционеры оказались бы все же в составе правительства пролетарской диктатуры, которое было бы создано победоносными инсургентами, и что оно отличалось бы (по крайней мере вначале) еще большею политической пестротой, нежели действовавшая 23 года спустя Коммуна. Иначе однако и не могло быть при отсутствии у тогдашнего французского пролетариата самостоятельной классовой партии, которая была бы впрочем создана в процессе дальнейшей борьбы, тем более, что в 1848 г. почти вся Европа была охвачена пожаром революции.

Документы сохранили нам имена баррикадных вождей, командовавших в том или ином районе восстания. Назовем некоторых из них. Одной из наиболее интересных фигур был Р а к а р и, рабочий-механик, член тайного коммунистического общества начала 40-х годов, привлекавшийся по делу о покушении на сына короля Луи-Филиппа. В дни восстания он руководил обороной целого квартала — площади Вогезов — и проявил здесь исключительную энергию, которую не ослабила даже полученная им рана. Другой бывший подпольщик, молодой механик Б а р т е л е м и — в 1839 г. он участвовал в тайном бланкистском Обществе времен года — руководил баррикадами на улице Гранж-о'Белль. Коммунист В у а з а м б е р, 60-летний сапожник, вооруженный огромным кузнечным молотом, командовал на улице Планш-Мибрэ. В районе Пантеона — один из главных опорных пунктов восстания — командовал в числе прочих Ш о д а в у а н — рабочий-жестяжник, П р и н ё р — рабочий-гравер, Л е в е к — портной, Б р ю й е р — служащий газовой администрации. О ж ь е — пекарь, все пятеро —

офицеры 12-го легиона национальной гвардии, принимавшие участие в демонстрации 15 мая. В 8-м округе одной из руководящих фигур был Делаклонж, редактор социалистической газеты «Организация труда»; когда восставшие завладели мэрией этого округа, Делаколлонж был назначен мэром; коммунист Колле, старый участник революционного движения, член клуба Бланки, руководил восстанием в квартале Сен-Марсо. В предместьи Тампль общее руководство принадлежало повидимому Дестеракту, владельцу маленькой столярной мастерской. Назовем еще шляпного мастера Ибрюи, командовавшего в 9-м округе и пытавшегося связаться с инсургентами Сент-Антуанского предместья, в котором руководящую роль играли рабочий-коммунист Марш, бывшие офицеры Курне и Пелльё и некоторые другие лица. За пределами тогдашнего Парижа, в пролетарском Бельвилле, впоследствии включенном в черту города, восстание нашло решительных вождей в лице членов местных клубов — механика Герино, обойщика Фанферно, приказчика Потье. Упомянем также гравера по металлу Леженисселя, офицера национальной гвардии рабочего предместья Сен-Дени, печатника Маги-Эд, члена клуба улицы Арбалет, организовавшего в своем районе производство пороха для нужд восстания, наконец инженера Дювивье, члена клуба Бланки и «Клуба клубов». Особо должен быть отмечен руководитель обороны на острове Сен-Луи — отставной офицер из старой аристократии д-р Фушекур, принявший участие в восстании повидимому в надежде — тщетной надежде — использовать его в интересах легитимистской партии. Попытка использовать рабочее восстание в интересах монархического переворота исходила также от агентов Луи Бонапарта, безуспешно старавшихся направить недовольство рабочих масс буржуазной республикой в сторону поддержки «племянника своего дяди».

Восстанию недоставало Бланки, арестованного в конце мая. Ему недоставало и Барбеса, разделившего участь Бланки (но не политическую линию последнего — линию коммуниста, правда, далеко не свободного

от мелкобуржуазных предрассудков в вопросах теории и практики). Старый подпольщик Коссидьер, на которого возлагались преувеличенно большие надежды, обманул восставших: вместе со всей основной массой своего класса — мелкой буржуазией — он решительно отмежевался от них и выступил против них. По ту сторону баррикады оказался и другой «герой» февраля, главный проводник мелкобуржуазного влияния на рабочий класс — Луи Блан.

Утром 23 июня, — рассказывает он, — я сел в карету с одним из моих земляков, который пришел навестить меня и предложил сопровождать меня в Собрание, как вдруг у дверей появилось несколько рабочих со словами: «Товарищ, в Париже восстает народ, что делать?» Можно себе представить, как ужасно было мое положение. «Существует ли, — спросил я, — какая-нибудь общая сходка, куда бы я мог пойти, чтобы высказать то, что я думаю? Они торопливо и с живостью возразили: «Ради бога не ходите! Да и куда вы пойдете? Почти весь Париж на ногах, начиная от заставы Рошешуар на правом берегу Сены до Пантеона на ее левом берегу. Скажите только, что мы должны передать тем из товарищей, которых встретим?» «Скажите им, что если они возьмутся теперь за оружие, то республика погибнет; скажите им, что против народа давно уже стягиваются в Париж громадные военные силы; что контрреволюция ни о чем другом не мечтает, как об удобном случае раздавить его; что поражение народа почти несомненно; что для его успеха ничто не готово; что если даже допустить, что народ одержит победу, то не окажется недостатка в честолюбцах, которые постараются завладеть ее плодами.

Так «обосновывал» ренегат Луи Блан свой отказ принять участие в восстании, свой совет не братья за оружие, свои попытки удержать протетариат от революционной борьбы. Так «обосновывают» свой переход на сторону буржуазии «герои» современного социал-фашизма, эти достойные наследники Луи Блана.

5

24 июня мэрия 8-го округа перешла в руки восставших рабочих. Этот крупный успех побудил руководителей движения в этой части Парижа формулировать программу своих требований. Это было сделано в прокламации следующего содержания:

ИМЕНЕМ ВЕРХОВНОГО НАРОДА

Граждане!

На февральских баррикадах люди, которых мы облекли званием членов Временного правительства, обещали нам демократически-социальную республику; они надавали нам обещаний, а мы, поверив их словам, оставили наши баррикады. Прошло четыре месяца, и что же они сделали? Они изменили своим клятвам, они не исполнили своих обещаний.

Мы, граждане, стоящие на посту в мэрии 8-го округа, требуем: Демократически-социальной республики.

Свободной ассоциации труда при поддержке государства.

Предания суду народных представителей и министров.

Немедленного ареста членов Исполнительной комиссии.

Мы требуем вывода войск из Парижа.

Граждане, не забудьте, что вы суверенны. Помните о нашей девизе:

«Свобода, равенство, братство».

За гражд. стоящих на посту в мэрии 8-го округа. Ж.-Ж. ГИЛЛЕ.

В тот же день в другой части Парижа — в Сент-Антуанском предместье — была расклеена другая прокламация, автором которой был старший участник революционного движения извозчик М и л о н. Она гласила следующее:

Имеем республики. Свобода, равенство, братство.

Граждане, организуем оборону, проявим столько же силы, сколько у нас мужества, довольно колебаний, пусть каждый выполняет свой долг, пусть женщины и дети ободряют нас, пусть Париж станет второй Варшавой. Дело, которое мы защищаем, это дело всего мира. Если Париж будет закован в цепи, то будет порабощена и вся Европа.

К о р у ж и ю, к о р у ж и ю!

Победить или пасть за демократически-социальную республику, братья, таков наш девиз.

Привет и братство.

Оба воззвания сами говорят за себя. Только игнорируя их, можно утверждать, как это делают буржуазные и социал-фашистские «историки», что июньское восстание было «восстанием голода», лишенным политической программы. В действительности инсургенты не только выдвигали политические требования, но и открыто связывали свое дело с делом европейской революции. Об этом говорит и лозунг «Да здравствует всемирная республика», украшавший одну из медалей революционного происхождения, выбитых в честь июньского восстания.

История сохранила нам и другие документы восстания. Не все они носят социалистический характер. На многих из них весьма и весьма сильно сказываются мелкобуржуазные влияния. Объяснение этому надо искать в тогдашнем уровне пролетариата, немалая часть которого, особенно в Париже, еще не успела вывариться в котле крупного фабричного производства. Так, бойцы Сент-Антуанского предместья заявляли: «Защищая республику, мы защищаем собственность». Правда, в том же районе на проспектах, выдававшихся местным штабом восстания, стоял девиз: «Собственность — это кража, все должно быть возвращено народу». Но более точная формулировка — «обобществление всех предприятий» — встречается только один раз.

Мы не будем останавливаться на всех требованиях, выдвинутых в разных пунктах восстания. Упомянем только условия, сформулированные 25 июня, когда в Сент-Антуанском предместье шли переговоры о прекращении борьбы: 1) роспуск Учредительного собрания, 2) вывод войск из Парижа, 3) освобождение заключенных в Венсенне революционеров, 4) выработка конституции самим народом. В ходе переговоров эти требования были заменены другими: 1) сохранение национальных мастерских, 2) издание декрета о праве на труд.

Надо ли говорить, что даже эти умеренные условия приняты не были.

В ночь с 23 на 24 июня была сделана попытка дать движению недостававшее ему единство руководства. Попытка исходила от «Общества прав человека», на экстренном заседании которого были приняты необходимые меры и назначены два перманентных комитета. Члены этой широко разветвленной революционной организации (со времени неудачного выступления 15 мая она работала подпольно) приняли деятельное участие в восстании. С самого начала они стремились координировать действие отдельных районов. И хотя единого руководящего центра создать не удалось, но в ходе борьбы наметился — правда, только наметился — более или менее законченный общий стратегический план восстания. По словам «Новой рейнской газеты» — газеты, издававшейся в Кельне Марксом и Энгельсом. — он сводится к следующему:

Инсургенты должны были двинуться четырьмя концентрическими колоннами на ратушу.

Первая колонна, операционной базой которой были предместья Монмартр, Ля-Шапель и Ля-Виллет, должна была двинуться от застав Пуассоньер, Рошешуар, Сен-Дени и Ля-Виллет на юг, занять бульвары и подойти к ратуше через улицы Монторгейль, Сен-Дени и Сен-Мартея.

Вторая колонна, базой которой были населенные почти исключительно рабочими и прикрытые каналом Сен-Мартея предместья Тампль и Сент-Антуан, должна была двинуться туда же по улицам Тампль и Сент-Антуан и по набережным левого берега Сены, а также по всем параллельным улицам лежащего между ними квартала.

Третья колонна, с базой в предместье Сен-Марсо, должна была двинуться по улице Сая-Виктор и по набережным южного берега Сены на остров Сите.

Четвертая колонна, опиравшаяся на предместье Сен-Жак и на район Медицинской школы, должна была двинуться по улице Сен-Жак также на Сите. Отсюда обе колонны, соединившись, должны были двинуться через правый берег Сены и взять ратушу с тыла и с флангов.

План, как видим, вполне правильно опирался на населенные исключительно рабочими части города, которые окружают полукругом всю восточную половину Парижа и расширяются по мере приближения к восточной части города. Предполагалось сперва очистить от врагов восточную часть Парижа и лишь потом двинуться по обоим берегам Сены на западную часть и ее центры, Тюильри и Учредительное собрание.

Эти колонны должен был поддерживать ряд летучих отрядов, которые должны были самостоятельно действовать между ними, воздвигать баррикады, занимать малые улицы и поддерживать связь между колоннами.

На случай отступления операционные базы были сильно укреплены и превращены по всем правилам военного искусства в сильные крепости. Такие укрепления выдвинуты были в Кло-Сен-Лазар, в предместье и в квартале Сент-Антуан, в предместье Сен-Жак.

Этот хорошо продуманный общий план не получил своего осуществления. Отсутствие единого руководящего штаба — прямой результат отсутствия единого политического центра, партии пролетариата — привело к тому, что восстание расплылось по отдельным кварталам и не развило необходимой наступательной энергии. Главный объект наступления — парижская городская дума, где должно было состояться провозглашение нового, революционного правительства, — взят не был. Громадный численный и материальный перевес наряду с ошибками восставших обеспечили победу буржуазии, избравшей момент, наиболее благоприятный для осуществления своих планов разоружения пролетариата.

Июньская битва расколола на два воюющих лагеря не только непосредственную арену борьбы — Париж, но и всю Францию. Рабочие массы провинции не остались равнодушными зрителями восстания, поднятого их братьями по классу в столице. Власти с тревогой и возмущением отмечали факты повсеместной солидарности провинциальных рабочих с «парижскими бунтовщиками». В Руане, обескровленном в апреле, дело ограничилось, правда, единичными актами оскорбления войск. В Труа, в Арси-сюр-Об, в Безансоне, в Алжане, в

Оксерре было налицо брожение, шла агитация за расправу с буржуазией В Арбуа — сборища и «мятежные речи». В Лиможе толпа, состоявшая из рабочих, силою завладевает депешами из Парижа В Мейяне — агитация за разгон Учредительного собрания. В Реймсе только своевременное получение известия о подавлении восстания в Париже удержало местных рабочих от выступления. В Лионе рабочие открыто заявляют, что готовы начать борьбу, если только парижские инсургенты продержатся еще некоторое время; местные власти наводняют город войсками. В Мильгаузене рабочие многих фабрик, узнав о восстании в Париже, потребовали увеличения заработной платы, угрожая всеобщей стачкой. В Лувье ткачи организуют демонстрацию солидарности с парижскими инсургентами, снимают с работы рабочих других фабрик и грозят хозяевам всеобщей стачкой. В Амьене рабочие открыто заявляют, что происходящая в Париже борьба есть «война между хозяевами и рабочими», и не скрывают своего намерения «отправиться в Париж на поддержку рабочих против хозяев». В Дижоне — крупные демонстрации перед местной ратушей (под лозунгом «жить, работая, или умереть в бою»), рассеянные войсками. В Бордо среди толпы, окружающей здание префектуры, раздаются возгласы: «Вперед, рабочие!» и «Да здравствует красная республика!» У одного рабочего обнаружена прокламация к инсургентам Парижа, прославляющая их героизм и предающая проклятиям Учредительное собрание. В Нанте, в Боне, в Люре и в некоторых других местах среди рабочих открыта запись добровольцев для похода на Париж и поддержки восстания. В Эссоне (близ Парижа) дело дошло до постройки баррикад и попытки не пропустить в Париж войска, расквартированные в Фонтенебло; произведено 65 арестов.

«Узким местом» перечисленных здесь выступлений была их недостаточная организованность, многие из них протекали чисто стихийно. Это должна была признать и полиция, которой долго мерещился «заговор», направляемый из одного центра и действующий по одному плану.

Другим «узким местом» было отсутствие связи с крестьянством, с его трудовыми слоями и прежде всего с крестьянской беднотой. О том, что эти слои, жестоко страдавшие от малоземелья, задолженности, кабальной аренды, налогового бремени, политического гнета, могли поддержать революционных рабочих, свидетельствует ряд фактов, зарегистрированных в документах. В департаменте Юры газеты отмечали революционное брожение среди крестьян. «в общем честных и трудолюбивых», но в силу своего невежества (?) легко поддающихся агитации «анархистов», которые не скупятся ни на «безумные проповеди», ни на «лживые обещания». В департаменте Жер известия о парижских событиях дают в некоторых сельских общинах повод к разговорам о том, что «песенка богатых спета». В департаменте Ло некий крестьянин, имени которого обнаружить не удалось, выразился следующим образом по поводу Кавеньяка: «Он расстреливал народ в Париже, и за это сам будет скоро расстрелян». В том же департаменте мэр одной из сельских общин вслух читал крестьянам, с'ехавшимся на ярмарку, выдержки из парижских газет, сопровождая чтение комментариями, в которых он разъяснял, что «партия инсургентов была партией честных людей», что «истинные патриоты пали жертвами правительства», что «это правительство прекратило свое существование» и что было бы величайшей глупостью платить ему налоги. Добавим, что особенно ненадежным считалось и было население деревень, расположенных вблизи промышленных центров.

Горючего материала в деревне было немного. Со всех концов Франции поступали известия о повсеместном отказе крестьян от уплаты ненавистного налога, введенного после февраля. Это недовольство буржуазной республикой, неиспользованное рабочим классом, было использовано монархической реакцией. Именно в это время бона-

партистская агитация делает первые серьезные успехи в деревне. Вот один факт из многих. 26 июня на воскресной ярмарке в одной из сельских общин департамента Шаранты (в 418 км. от Парижа) газетчик выкритиковал парижские новости, добавляя, что «Луи Наполеон, избранный императором, идет на Париж во главе 40 тысяч человек и что он переложит 45-сантимовый налог на англичан и на экс-короля Луи Филиппа». Жандарм хотел арестовать газетчика, но за него вступилась толпа, которая и разгромила местный жандармский пост.

В то время как трудящиеся массы провинции не оказали достаточной поддержки восставшим парижским рабочим, имущие классы страны, как один человек, поднялись на защиту контрреволюционного Учредительного собрания. Один только департамент Сены-и-Уазы выделил 10.000 человек для похода на Париж. Не менее дружно поднялись на борьбу с «анархией» собственники департамента Сены-и-Марны, префект которого явился в Париж во главе 4-тысячного отряда добровольцев. В департаменте Эн выступление одного из отрядов задержалось из-за колебаний префектуры, не решавшейся «очистить область от всех опасных носить оружие мужчин», «присутствие которых могло оказаться необходимым» ввиду наличия в мануфактурах большого числа безработных рабочих» и неуверенности в том, что они сохраняют спокойствие. Четыреста национальных гвардейцев Сен-Кантена также вызвались еще 24 июня двинуться на столицу, но местные власти воспротивились этому из страха перед 1.200 остро нуждающимися рабочими. «Эти несчастные, — писал префект, — вызывают восхищение своей покорностью и воодушевлены лучшими чувствами. Тем не менее вы согласитесь со мной, что было бы неосторожно отпустить 400 человек из 1.600, которые составляют национальную гвардию этого города». Подобные опасения—опасения надо сказать достаточно обоснованные — существовали и в других промышленных центрах (в Лилле, Орлеане и т. д.).

Расстановка классов в провинции в дни восстания отчетливо выступает в докладе первого председателя судебной палаты округа Бурж. С одной стороны, «все те, кто известен под именем легитимистов, консти-

туционалистов, сторонников золотой середины, республиканцев», объединились под одним знаменем, знаменем республики, «но республика умеренной, честной, уважающей личность и собственность». С другой стороны — меньшинство (?!), требующее «радикальной республики», республики, «готовой железной рукой раздавить богачей». Первая из этих двух групп при получении известия об июньских событиях «полетела на помощь столице», на помощь правительству, вторая и не подумала об этом.

Мы не будем перечислять департаменты и коммуны, имущее население которых поспешило на помощь Учредительному собранию, атакованному в Париже восставшими рабочими. Достаточно сказать, что не менее 150 тыс. человек прибыли в столицу из разных пунктов провинции для борьбы с «анархией». «Наш героизм, — откровенно писал один из участников этого похода, — был героизмом по необходимости». «Собственность, семья, религия, порядок» — таков был символ веры этих контрреволюционных крестоносцев. Адвокаты и лавочники, попы и нотариусы, кулаки и помещики, представители старой аристократии и разбогатевшие буржуазные парвеню с одинаковым «пылом» рвались в бой против рабочих. Недостаток удобных средств сообщения (слабая сеть железных дорог) помешал мобилизованным провинцией отрядам своевременно прибыть в столицу. Лишь небольшая часть этих добровольцев «порядка» приняла участие в военных действиях против инсургентов. Остальные должны были удовлетворяться избиванием доверенных их охране пленных защитников баррикад.

7

26 июня восстание было подавлено. Тысячи трупов устилали мостовые Парижа. Тысячи инсургентов томилась в тюрьмах в ожидании комедии суда, тысячи других шли в ссылку без суда и следствия. Восстание окончилось. Расстрелы продолжались. Победители приканчивали раненых, забавлялись стрельбой в женщин и детей, охотились за каждым одетым в рабочую блузу прохожим. На площади Мобер пьяные солдаты гетучей гвардии насиловали работниц, иногда на трупах их мужей. Аналогичные сцены разыгрывались в Сент-Антуанском предместье. Предместье Сен-Жак было разграблено солдатами. Когда расстрелы надоедали пленных бросали в Сену. На мосту Луи-Филиппа более сорока инсургентов были сброшены в реку с завязанными руками и ногами. На набережной Ратуши пленных бросали в воду, посылая им вдогонку град пуль. В казарме Пуассоньер пленных расстреливали, в казарме Сен-Мартем, расположенной в квартале, который считался уже «умиротворенным», их рубили саблями и кололи штыками. Казармы и форты были превращены в арену массовых убийств. На форте Бесетр резня продолжалась восемь дней подряд. «Зверства, совершенные победителями, — писал тогда еще молодой Ренан, — приводят меня в ужас и возвращают нас ко временам религиозных войн... Люди порядка, те, кого называют честными людьми говорят только о расстрелах; эшафот уничтожен, но бойня продолжается...» Не менее 11.000 инсургентов было убито после боя. «Это было сознательным и систематическим истреблением целого класса» — пишет один историк.

Те из арестованных, кто уцелел от расстрела, погибали от голода и болезней. Условия заключения были таковы, что многие сходили с ума. Малейшая жалоба наказывалась расстрелом. В подвалах Тюльерийского дворца и в других местах заключения пленные оставались без пищи и питья в течение суток, даже за деньги нельзя было достать куска хлеба. Раненые инсургенты даже в госпиталях не были гарантированы от насилий. «Студенты медицинского факультета отказывали в помощи науки раненым плебеям» (Маркс). Неудивительно, что смертность среди них была потрясающей.

Число неубранных трупов, валявшихся на улицах Парижа, было так велико, что наконец и полиция забила тревогу. «Если не будут приняты самые срочные меры, — читаем в докладной записке от 26 июня, — разлагающаяся масса трупов вызовет чудовищную эпидемию... Нельзя терять ни одной минуты, иначе не избежать общественного бедствия, еще более ужасного, чем то, которое мы только что пережили». Только кровавые подвиги буржуазии при подавлении Парижской коммуны 1871 г. могут сравниться с неистовствами реакции в июне 1848 г.

О классовом характере этого террора можно судить по тому, что из одиннадцати с половиной тысяч человек, привлеченных по делу об июньском восстании, не менее 70 проц. составляли рабочие (при 12 проц. мелкой буржуазии, 10 проц. служащих, и 3 проц. интеллигенции); еще более высокий процент составляли рабочие среди тех трех с половиной тысяч человек, которые были отправлены в ссылку.

Но буржуазия не ограничилась физическим истреблением цвета пролетариата. Она преследовала своего врага ядом гнусной клеветы. Газеты кричали о русском и английском золоте, о руке монархических претендентов. Председатель Учредительного собрания Сенар в прокламации к национальным гвардейцам «порядка» брал на себя смелость утверждать, что инсургенты «хотят анархии, пожаров, грабежа». Пресса преподносила читателям следующую «статистику мятежа»: 12 тысяч уголовников, 6 тысяч бродяг, 6 тысяч уличных мальчишек, 6 тысяч «обманутых» рабочих национальных мастерских. Представить восстание делом рук банды воров и убийц однако не удалось. Даже близкая к правительству «Судебная газета» в номере от 1 июня должна была признать, что «среди инсургантов обнаружено пока только двадцать бывших уголовных преступников, в том числе один только каторжанин». Распространялись и легенды о зверствах, якобы учиненных восставшими рабочими. О характере этих легенд можно судить по двум образцам, которые мы заимствуем из такой фабрики лжи, как бонапартистская газета «Конституционалист» 25 июня она поместила у себя следующее сообщение:

На площади Эстрапод инсургенты взяли несколько пленных. Будучи принуждены оставить баррикаду, мятежники совершили акты зверской жестокости. Вместо того, чтобы освободить своих пленных, они умертвляли их, отрубив им головы. Пять летучих гвардейцев оказались жертвами этих каннибалов. Обязанности палача исполнял мужчина, переодетый женщиной и вооруженный остро отточенной саблей.

28 июня та же газета сообщала:

На многих баррикадах были вооружены отрубленные, покрытые кепи головы. На одной пике красовалась голова, изо рта которой торчал фитиль. Этот страшный маяк был подожжен, а варвары, совершившие эту зверскую жестокость, бесновались вокруг своего отвратительного трофея с криками: «Фонарей! Фонарей!»

Пылкое «воображение» реакционной прессы превращало воду в керосин, — этого требовала легенда о «поджигателях». Этим контрреволюционным выдумкам не было конца.

Ликование буржуазии после победы не поддается описанию. «О, как я счастлив, господа! Благодарите бога, господа!» — восклицал председатель Учредительного собрания адвокат Сенар. «Порядок одержал свою Аустерлицкую победу» — заявлял будущий министр Леон Фоше. «Страшная опасность угрожала нам, теперь она миновала — признается барон

Барант в письме к графу Удето. «Дух анархии получил удар, от которого он уже не оправится» — утверждал «Марсельский вестник». «О, лишь бы все было действительно кончено! — восклицал орган руанской буржуазии. — Ведь опасности, угрожавшие обществу, были ужасны; ведь мы пережили бурю, которая могла унести свободу, уничтожить цивилизацию, утопить в крови Францию... Но мы можем твердо сказать—все кончено!» Не менее определенно высказывалась буржуазия Страсбурга: «Битва, которую враждебные партии угрожали в продолжении четырех месяцев обществу и неизбежная перспектива которой парализовала жизнь нашего социального организма, тормозила торговлю и промышленность, лишала хлеба рабочих, — эта битва теперь дана, и не «общество оказалось в ней побежденным».

Биржа, этот чуткий барометр капиталистического общества, всюду и везде реагировала на торжество «порядка» в столице повышением курса государственных бумаг и общим оживлением дел. Так было между прочим в Марселе, имущие классы которого пережили собственные июньские дни, почти совпавшие с парижскими.

Но оптимизм не был безоблачным, ликование по поводу разгрома «анархии» сочеталось с беспокойством за будущее. Мысль, что июньские события могут повториться, при том с иным исходом, упорно и долго держится в умах. Заявления о том, что «банда Барбеса, Бланки и прочих еще не сказала своего последнего слова», что «варвары XIX столетия готовы при первом удобном случае последовать примеру своих кровавых предшественников», встречаются на каждом шагу. «Мы не знаем, когда взорвется бомба, — читаем в анонимном письме на имя следственной комиссии, — но будьте уверены, что нет мира, а есть только перемирие». «Грозная опасность, которой мы избежали, только отсрочена, — заносит в свой дневник граф д'Эстурмель. — Рана все еще зияет и сочится кровью».

Главный прокурор судебного округа Амьен в докладе от 25 июля говорит о «перманентной опасности», которую представляет для общества «класс, который взялся за оружие», «то многочисленное рабочее население, которое сражалось с таким мужеством отчаяния». «Победа досталась партии порядка и гуманности — это правда, — писал главный прокурор округа Дуэ, — но рабочие, которые читают эти тысячи памфлетов, слушают эти бесчисленные речи, с жадностью поглащают эту духовную пищу; но пролетарии, которые видели, с каким заслуженным презрением были отвергнуты утопии их мнимых друзей, продолжают оставаться постоянной угрозой для общества».

Глубоким пессимизмом проникнута оценка событий, которую дает Токвиль. Человек, бывший на несколько голов выше людей своего класса, совсем не был опьянен победой. 21 июля он писал своему другу Эжену Стоффель:

Со времени февральских событий я ни минуты не сомневался в том, что нам придется выдержать большую битву в Париже... Если июньские дни и поразили меня, то лишь колоссальными размерами, которые принял бой. Победа вернула нам часть почвы, которую общественный порядок успел потерять. В первый раз за четыре месяца регулярное правительство становится возможным... Но я не верю в будущее... Я не говорю, что впереди у нас одна непрерывная революция. Нет, я верю в более или менее длительные интервалы порядка, спокойствия, процветания; но я не могу поверить в прочное и окончательное утверждение нормального социального и политического строя. В 1789, в 1815, даже в 1830 году можно было думать,

что французское общество поражено одной из тех острых болезней, после которой здоровье общественного организма делается крепче и прочнее. Но разве не ясно теперь, что мы имеем дело с хроническим недугом и что причина его глубже!.. Состояние умов пугает меня. Оно показывает, что революция не идет на убыль. Много говорят, повторяют изо дня в день, что июньские инсургенты состояли из отбросов человечества, что их воодушевляла одна грубая страсть к грабежу. Разумеется, там было немало таких людей; но неверно, что были только такие... В июньском восстании было нечто другое, чем дурные страсти,—там были ложные идеи. Многие из этих людей, которые шли на приступ самых священных прав, руководились ошибочным представлением о праве. Они искренне полагали, что общество не основано на справедливости, и хотели дать ему другую основу. Это такого рода революционная религия, которую наши пушки и штыки не уничтожат. Она создаст нам затруднения и опасности, которым не видно конца... Не с нами началась эта великая революция в истории человечества, не при нас она закончится. Если б у меня были дети, я постоянно напоминал бы им об этом, я повторял бы им каждый день, что мы живем в такое время, и в таком обществе, когда надо быть готовым ко всему так как никто не может быть уверен в том, какая судьба его ожидает...

Биографы Таквиля не цитируют этого письма по вполне понятным причинам. Между тем оно служит ярким памятником растерянности, охватившей буржуазию при виде глубокой пропасти, которая вдруг разверзлась у нее под ногами. Конечно не все смотрели так мрачно — и так трезво — на будущее своего класса, как историк «Старого порядка и революции». Но никто не решался отрицать серьезности проблемы, поставленной в порядок дня июньскими событиями. Маршал Бюжо например рекомендовал такой способ разрешения этой проблемы.

«Неотложной задачей сегодняшнего дня, — писал он, — является — избавить метрополию от возможно большего числа пролетариев города». Правда, это неважный материал для колонизации, но выбирать не приходится. Предвидя недовольство грабов притоком «такой массы новых землевладельцев», Бюжо подчеркивает необходимость усиления гарнизона Алжира и со вздохом замечает: «Мы вынуждены грабить в Африке, чтобы не быть ограбленными во Франции». Остается поблагодарить г на маршала за откровенность...

Единственным утешением для июньских победителей, которые по собственному признанию чувствуют себя «как во вражеской стране», служит им уверенность в предполагаемой лояльности крестьянства. Можно ли сказать, спрашивает главный прокурор округа Тулузы, что общество «спасено окончательно» и что ему не придется больше «выдерживать опасных битв»? «Никто не может убаюкивать себя подобной надеждой». К счастью, «ложные теории» и «антисоциальные доктрины», которые делают быстрые успехи среди городских рабочих, не затронули «народа в собственном смысле», населения деревень; последнее остается послушным властям и сохраняет традиционную привязанность «к трем великим идеям цивилизации: религиозному чувству, культуре семьи, любви к собственности».

Ставка на крестьянина — на крепкого зажиточного мужика — дополняется ставкой на армию. «Военная сила является нашим единственным якорем спасения» — откровенно признается буржуазия Дижона. «Национальная гвардия, армия, судебная власть — вот тройной щит, о который всегда разобьются анархические страсти» — заявляет буржуазия Марселя. «Новая битва возможна, бо ее того, ве-

роятна, — пишет буржуазная пресса Бордо, — именно поэтому мы считаем своим долгом энергично поддерживать военный триумvirат, который правит нами в настоящее время». Герцог Паскье пишет барону Барант: «Единственная гавань, в которой можно укрыться в такое бурное время, — это гавань военного деспотизма. Слава всевышнему! Мы его имеем, этот благовостовенный военный деспотизм, под именем осадного положения или диктатуры...» Яснее выразиться трудно.

Жажда репрессий принимает неслыханные размеры. Адвокат из городка Мирекур заявляет, что «все средства, да, все, хороши и законны в применении к этим неисправимым и неутомимым нарушителям общественного спокойствия». «Бандитов не укротить с помощью милосердия, — писал уже знакомый нам маршал Бюжо. — Они совершенно прогнали и потому должны быть отсечены от общественного организма». Не надо ни пленных, ни ссыльных, содержание которых ложится на плечи государства одно наказание — расстрел, вот о чем ходатайствует перед Учредительным собранием некий Жан Демиселен «Смертная казнь всякому, кто будет уличен в постройке баррикад, — таков единственный способ избежать повторения июньских событий» — пишет другой, столь же гуманный буржуа. Не обходилось и без курьезов. «Из всех инсургентов, — утверждал третий, — наиболее опасные те, кто причинил наибольший вред 23, 24, 25 июня, как и 15 мая, это пять колоколов церковей Сен-Жерве, Сен-Северен, Сен-Поль, Сен-Маргерит и Сен-Жак. Набатный звон должен быть приговорен к смерти или к вечному молчанию, трезвон колоколов должен быть воспрещен, и баррикад больше не будет...» Буржуазная пресса Лиона требовала «разоружения всего незаконно вооруженного населения»; «пусть избавят нас от порабощения сюртуков блузами, честных людей клубами, и мы всегда будем стоять за республику». Свобода печати невозможна, заявляет офицер Учредительного собрания, пора положить конец нападкам на «основы общества», «порядок, семья, собственность должны быть неприкосновенны» «Дискуссируйте, если хотите, вопросы политики, форму правления, но не касайтесь общества, его социальных основ». Это тем более необходимо, добавляет одна из провинциальных газет, что «каждая фраза, написанная Пруденом, Торе, Леру и прочими, очень скоро переходит в ружейный выстрел, который убивает или солдата регулярной армии или национального гвардейца». Меры против печати должны быть дополнены радикальной чисткой государственного аппарата. Необходимо, чтобы вся администрация, от министра до префекта была составлена исключительно из лиц, пользующихся доверием со стороны «честной и здоровой части населения» и ненавистью со стороны «заведомых врагов порядка». Наконец все ограничения, наложенные на капиталистическую эксплуатацию в феврале, должны быть окончательно отменены. Торговые палаты в один голос требуют: «Упразднить декрет, ограничивающий продолжительность рабочего дня».

Надо ли говорить о том, что все эти требования буржуазии были полностью удовлетворены. Клубы были закрыты, национальные мастерские распушены, рабочие предместья разоружены, демократическая печать задушена, рабочий день удлинен, рабочие ассоциации разогнаны, всеобщее избирательное право уничтожено, школа отдана в руки церкви. Рабочий класс и все трудящиеся были свергнуты в еще большую кабалу, нежели до февраля. Но и сами июньские победители оказались побежденными, диктатура буржуазии с помощью сабли расчистила путь неприкрытой диктатуре сабли. На смену Кавеньяку пришел Бонапарт, Бонапарт превратился в Наполеона III. Вторая республика должна была уступить место Второй империи. Зато

буржуазия Франции и Европы получила такую дубинку, которая надолго оградила ее от возвращения красного призрака июньских дней.

9

Гром июньского восстания прокатился далеко за пределами Франции. Международная реакция правильно оценила подлинный характер восстания и восторженно приветствовала его подавление.

«Да, это была битва!.. Казалось, вековая вражда между имущим и неимущем, между голодающим и сытым, которая так долго сдерживалась и так давно угрожала вспыхнуть, вырвалась вдруг наружу со всей своей разрушительной силой. Это была настоящая война на уничтожение, суровая, безмолвная битва без возгласов в песен. Единственным боевым гимном был гром, с которым музыка пушек сливалась в один страшный дуэт. Кто появлялся в блузе, тому угрожало обыск; только во фраке или в сюртуке можно было передвигаться без помехи. Так выглядит равенство! Кто позволял себе малейшее замечание, хотя бы самого невинного стилистического свойства, по поводу какого-нибудь извещения или воззвания правительства, тому угрожало усердие вооруженных лавочников, тот подвергался опасности быть брошенным в тюрьму во имя свободы! Как в республике понимается братство, об этом свидетельствовали залпы орудий, зажигательные ракеты, проносимые мимо убитые и раненые» —

как писала немецкая консервативная «Всеобщая газета», выходившая в Аугсбурге. «Настоящая борьба, — вторил ей «Лондонский телеграф», — является продолжением февральской революции. Она является продолжением прокатившейся по всей Европе борьбы за более справедливое распределение производимых ежегодно продуктов... Рабочие стоят за то, чтобы их интересы защищало их собственное правительство. Теперь, как и в феврале, они взяли за оружие, чтобы бороться с ужасающей нуждой, жертвой которой они были так долго... Всякое братское чувство отброшено, и обе стороны объявили друг другу войну не на жизнь, а на смерть...»

Известие о разгроме парижского восстания было встречено европейской реакцией с глубоким удовлетворением. «Генерал Кавеньяк и его храбрые товарищи, — заявлял «Морнинг геральд», — оказали громадную услугу не только своей стране, но и всем нациям, всему человечеству тем, что спасли Париж от анархии... Да поможет бог ему и его министрам восстановить во Франции нормальный порядок». Газета рекомендовала Учредительному собранию возвести Кавеньяка на пост президента. Другая английская газета («Сен») писала: «В кругах Сити обсуждается вопрос о возможном влиянии парижских событий на Францию и особенно на города Германии, в которых наблюдается брожение; надеются, что пролитая в таком изобилии кровь была протита не напрасно». «Таймс» благословлял Кавеньяка и оправдывал его действия. «Тяжелая необходимость не оставляла генералу Кавеньяку возможности действовать иначе... Используя против своих заблудших сопратждан все силы страны и все методы войны, он поступил совершенно правильно». Парижские события должны оказать влияние на всю Европу. Со времени февральской революции вера в стойкость регулярной армии была подорвана повсеместно. Июньские дни развенчали ореол непобедимости, который окружал баррикаду. Таков главный урок событий.

«Таймс» этим не ограничивается. Окрыленная победой «порядка» во Франции, английская буржуазия не скрывает своего нетерпения следовать примеру Кавеньяка.

Момент еще не настал для такого образа действий; но когда он наступит, толпам негодяев, которые занимаются теперь систематическим нарушением общественного порядка, не на что будет надеяться и придется всего опасаться от озлобления войск и полиции, которые будут поддержаны тысячами, десятками тысяч жителей столицы, страстно ожидающих позволения властей подавить беспорядки в течение нескольких часов.

Речь шла конечно о чартистах, о «бородатых бунтовщиках», как называл их министр Пальмерстон. Но «Таймс» был не одинок в этих угрозах по адресу революционных рабочих своей страны. Аристократический «Морнинг пост» выражал надежду, что «участие инсургентов Парижа» послужит необходимым предостережением сторонникам так называемой «физической силы» в Англии и Ирландии.

Но особенно показательна была позиция, занятая Николаем I. 25 июля царскому послу в Париже графу Киселеву был послан документ, «который не приходится назвать иначе, как благодарственным рескриптом российского императора республиканскому генералу за расстрел парижских рабочих». Содержание документа целиком оправдывает это удачное название, которое дает ему М. Н. Покровский. Пролит слезу над «сценами резни, окровавившей Париж», Николай со вздохом облегчения констатирует, что «анархия побеждена в этой внутренней борьбе». «Столь дорого купленной победой Париж и вся Франция спасены от опрометной опасности, которой им угрожало торжество разрушительных учений коммунизма». «Император искренне поздравляет его (Кавеньяка) с победой, столь славно им одержанной над анархической партией, сражавшейся с ожесточением, ввнушенным самыми извращенными страстями. В особенности, как военный, император громко высказывает свое одобрение великодушному поведению генерала Кавеньяка, его удачным распоряжениям и той блестящей храбрости, с которой они были выполнены».

Трудно найти более красноречивый документ в истории европейской контрреволюции 1848 г. Глава самодержавно-крепостнической монархии, «рыцарь» Священного союза «унижался» до дружественных поздравлений по адресу республиканца, сына «цареубийцы», брата «заговорщика». Но этот человек олицетворял «порядок», этот человек победил «анархию», — и его следовало «приласкать»! Можно ли было сомневаться в том, каков будет результат кровавого поражения парижского пролетариата? «В лице 40.000 рабочих 300.000 бойцов Кавеньяка победили не только 40.000 рабочих, — они победили, сами того не сознавая, европейскую революцию... Теперь не оставалось уже никаких сдерживающих моментов. Консервативная сила победила в Париже народ гранатами и картечью, и то, что оказалось возможным в Париже, могло быть повторено в любом другом месте» (Маркс). В новогоднем номере «Новой рейнской газеты» — статья датирована 31 декабря 1848 г. — Маркс писал по этому поводу следующее:

«Поражение рабочего класса во Франции, победа французской буржуазии одновременно означали новое порабощение национальностей, которые на крик галльского петуха ответили героическими освободительными попытками. Прусская, австрийская и английская полицейщина еще раз начала грабить, осквернять и предательски убивать Польшу, Италию и Ирландию. Поражение рабочего класса во Франции, победа французской буржуазии одновременно означали поражение средних классов во всех европейских странах, где средние классы, соединившись на минуту с народом, ответили на крик галльского петуха кровавым восстанием против феодализма. Неаполь, Вена, Берлин! Поражение рабочего класса во Франции, победа французской буржуазии одновременно означали победу Востока над Западом, подчинение цивилизации варварству. В Валахии началось угнетение румын русскими и их оружием — турками; в Вене хорваты, чехи

чандуры, сержаны и прочий сброд задушили немецкую свободу, и в эту минуту царь был вездесущ в Европе».

Таковы были следствия июньского поражения парижского пролетариата. Поражение класса-гегемона французской революции 1848 г. означало поражение революции во всей Европе.

10

Июньское восстание — крупный этап в процессе развития и формирования пролетариата как класса, громадный шаг вперед в истории его революционной борьбы за социализм. Рабочие восстания бывали и раньше, например в Лионе в 1831 и 1834 гг., но еще никогда пролетариат не выступал с такой силой с оружием в руках в борьбе за власть, как в июне 1848 г. Это восстание показало, что пролетариат не может победить буржуазию, не создав самостоятельной политической партии, свободной от чуждых классовых влияний и способной повести за собой трудовые массы города и деревни, осуществить между ними боевой революционный союз, что вне такого союза пролетарская революция в странах с крестьянским большинством населения неминуемо обречена на поражение. Июньские дни показали, что без такой партии проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую не может быть решена успешно. Это восстание показало полную несостоятельность рецептов утопического социализма, явилось могилой дублинщины. Оно определило социалистическую природу одного пролетариата и окончательно отбросило буржуазизм в лагерь контрреволюции. Наконец оно показало, какое значение имеет выбор подходящего момента для восстания, что «восстание есть искусство», которое должно быть подготовлено не только политически, но и технически, что оно требует соблюдения особых правил (централизованного руководства, единого плана, наступательной тактики и т. д.), нарушение коих влечет за собой поражение.

Июньская битва в Париже явится грозным мemento mori для всего капиталистического общества. Именно так и расценивали это восстание передовые рабочие всего мира, которые поспешили заявить о своей солидарности с побежденными парижскими инсургентами. «Союз братских демократов» в Лондоне — международная организация, связанная с левым, социалистическим крылом чартизма, — обратился к английским рабочим с пламенным воззванием, в котором брал под свою защиту «пролетариев Парижа, этих жертв изменников, убийц и клеветников»:

Клеветники рабочего класса утверждают, что восставшие объявили войну обществу и цивилизации. Но даже если они и сделали это, то что из того? Общество ведет против них войну, почему же не могут они вести войну против общества? Мы окровенно и не стесняясь заявляем, что не питаем никакого уважения к обществу в его современном виде. «Цивилизация» означает плохо оплачиваемый труд, голод, тюрьмы и бастилии для масс. Для миллионов «цивилизация» представляет собой чудовищную ложь, организованное лицемерие; смерть такой цивилизации! Рабочих Парижа, которые видят вокруг себя райские наслаждения, окружает ад страданий. Произнося слова «свобода, равенство, братство», над ними издеваются; их «свобода» — это господство сабли, их «равенство» состоит в том, чтобы умирать с голода в то время, как бездельники купаются в изобилии; и когда они решительно заявляют: «жить, работая, или умереть в борьбе», им объясняют при помощи гранат, бомб и пуль, что такое «братство».

Манифест заканчивался пророческими словами:

Красное знамя, сорванное в Сент-Антуанском предместье, не завоевано. Вери, символом которой служит это знамя, не огранчи-

вается одним Парижем, она живет и ширится в каждом улье человеческого труда; и одно, даже пятьдесят поражений не помешают конечному торжеству этой веры.

Маркс и Энгельс в «Новой рейнской газете» посвятили июньскому восстанию ряд замечательных по глубине и форме статей. Особенное впечатление произвела статья Маркса, опубликованная 29 июня. Невзирая на то, что газета не была органом пролетарской партии, Маркс не поколебался открыто принять сторону побежденных инсургентов:

«Парижские рабочие подавлены превосходными силами врагов своих, но не поддались им. Они разбиты, но их враги побеждены. Минутное торжество грубой силы куплено крушением всех обольщений и иллюзий февральской революции, разложением всей старореспубликанской партии, расколом французской нации на две нации — нацию собственников и нацию рабочих... Братство, братство противоположных классов, из которых один эксплуатирует другой, это братство, возмещенное в феврале, огромными буквами начертанное на стбу Парижа, — на каждой тюрьме, на каждой казарме, где оно? Его истинным, неподдельным, прозаическим выражением является гражданская война, гражданская война в своем самом страшном обличии, война труда и капитала.. Ни одна из бесчисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 года, не была покушением на порядок, так как все они оставляли в неприкосновенности классовое господство, рабство рабочих и буржуазный порядок, как бы часто ни менялась политическая форма этого господства и этого рабства. Июнь покуšился на этот порядок. Горе июню!

Свой анализ причин и характера восстания Маркс заканчивал зачиткой побежденных:

«Нас спросят, неужели у нас не найдется ни одной слезы, ни одного вздоха, ни одного слова для жертв народной ярости, для национальной гвардии, для летучей гвардии, для республиканской гвардии, для линейных войск? Государство позаботится об их вдовах и сиротах, декреты превознесут их, торжественные погребальные процессии предадут земле их останки, официальная пресса провозгласит их бессмертными, европейская реакция будет славить их от запада до востока. Но плебеи истерзаны голодом, оплеваны прессой, покинуты врачами, устами «честных» ославлены ворами, поджигателями и каторжниками; их жены и дети ввергнуты в еще более безграничную нищету; их лучшие, уцелевшие от разгрома представители сосланы в море... Вокруг их грозно-мрачного чела обвить лавровый венок есть privilege, есть право демократической печати».

Только коммунист мог написать такую статью; и если у буржуазных найщиков газеты еще оставались какие-нибудь сомнения насчет ее редактора, то теперь они должны были рассеяться окончательно. «Тут нас покинули последние акционеры» — писал потом об этом периоде Энгельс. Но «Новая рейнская газета» не оградилась статьями Маркса и Энгельса, написанными по свежим следам восстания. В ноябре и декабре 1848 г. и в апреле 1849 г. она поместила у себя большой очерк «Господин Каменьяк», в котором на основании документов официального следствия разоблачалась провокационная тактика этого буржуазного диктатора в дни восстания.

Революционные традиции июньских дней не заглокли. Маркс и Энгельс поддерживали их в «Восемнадцатом брюмера» и в других своих работах. Но обстановка 50-х годов, обстановка политической реакции и экономического под'ема, была такова, что в рабочем движении этой эпохи наблюдалось временное затишье, рабочий класс еще не оправился от поражений 1848—1851 гг. Под'ем экономической и политической активности пролетариата обозначился к концу 50-х и особенно к началу 60-х годов, когда возникает Интернационал. Именно в это время появилась отмеченная Марксом книга Кастилля «Июньские убийства 1848 года». Автор, бывший участник восстания, разоблачал провокационную тактику вождей

«либеральной и республиканской» буржуазии в 1848 г., подготовившей и организовавшей июньскую бойню.

Гораздо ярче это было сделано социалистом Верморелем, автором книги «Деятели 1848 года», которая вышла в 1863 г. Это было время, о котором Маркс писал Кугельману: «Во Франции происходит очень интересное движение. Парижане снова начинают прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей им новой революционной борьбе». И Маркс ссылаясь на ряд новых книг, в частности на книгу Вермореля, «Герои» трехцветной республики 1848 г. были пригвождены здесь к позорному столбу истории с такой силой и документальной обоснованностью, что им не оставалось другого пути отступления, как объявить Вермореля... агентом Наполеона III. Эта гнусная клевета преследовала молодого публициста вплоть до его героической смерти на баррикадах Коммуны. Но его книга сыграла немалую роль в том размежевании между социалистами и буржуазными республиканцами, которое происходило в это время во Франции. Не забывали о традициях июня 1848 г. и ученики Бланки. Сам Бланки в «Инструкции к вооруженному восстанию» (1868) дал замечательную критику ошибочной военной тактики инсургентов.

Наступают героические дни Коммуны. За двадцать три года, протекших со времени июньского восстания, политическое развитие пролетариата сделало большой шаг вперед — пролетариат берет в свои руки государственную власть, хотя оказывается еще не в состоянии удержать ее. «Помните об июне!» — эти слова приобретают теперь значение лозунга. Революционная пресса Парижа не устает напоминать массам о кровавых уроках 1848 г., диктующих энергию и бдительность. Тщетно пытаются противостоять этому лозунгу мелкобуржуазные прудонисты, тщетно пытаются они протащить свою «установку» о том, что «горестное недоразумение, вооружившее в июньские дни друг против друга два класса, заинтересованных оба, хотя и не в одинаковой мере, в крупных экономических реформах, эта роковая ошибка, которая сделала подавление восстания таким кровавым, уже не могла повториться». 27 апреля правительство пролетарской диктатуры постановляет срыть церковь, воздвигнутую на месте, где в июньские дни инсургенты расстреляли генерала Бреа, а территорию, занятую под эту церковь, назвать «Июньской площадью». В то же время было постановлено амнистировать рабочего Нурри, уже двадцать два года томившегося на каторге по делу о расстреле этого генерала, и назначить пенсию его матери. Так Коммуна открыто признавала свою преступленную связь с июньским восстанием.

Коммуна была подавлена, наступила черная ночь реакции. В манифесте Генерального совета I интернационала Маркс напомнил об июньской бойне 1848 г. Прошло девять лет, прежде чем рабочее движение, начавшее оправляться после неслыханного кровопускания, вновь подняло знамя июньских инсургентов, выпавшее из рук коммунаров. В 1880 г. выходит книга Марука «Июнь 1848 года», выходит из недр редакции социалистической газеты «Равенство», которой руководил один из основателей французской рабочей партии Гад, бывший тогда марксистом. Эта насыщенная документами книга была убийственным обвинительным актом против буржуазии и смело подымала традиции революционной борьбы за социализм.

Прошло еще десять—пятнадцать лет. Центристское большинство II интернационала сделало все, чтобы предать забвению революционные традиции июня 1848 г., как и революционные традиции пролетариата вообще. Общеизвестно, как руководящая партия этого Интернационала — германская социал-демократия — изуродовала, страха ради полицейска, предисловие Энгельса к новому изданию (1895 г.) статей Маркса о клас-

овой борьбе во Франции 1848—1859 гг., выбросив из этого предисловия все места, касающиеся революционных методов борьбы.

Известно также, как извратил и выхолостил учение Маркса и Энгельса о «перманентной революции», развитое на основе опыта классовых битв 1848—1849 гг., один из вождей русского центризма *Троцкий*, возглавляющий ныне «передовой отряд контрреволюционной буржуазии».

Характерно, что на игнорировании революционных традиций пролетариата, в частности традиций 1848 г., правые оппортунисты социал-демократии сходились с мнимолевыми «немарксистами». Так, один из теоретиков французского синдикализма Сорель писал, что в 1848 г. «все могло бы пройти довольно мирно, если бы в июне парижский пролетариат не счел себя достаточно сильным, чтобы сделать попытку ввести в жизнь право на труд». Только большевизм — единственное действительно научное обобщение опыта мирового рабочего движения — не на словах, а на деле поддерживал и поддерживает эти, как и другие, революционные традиции международного пролетариата, продолжая их в новой обстановке, на новой, более высокой основе.

Русские революции 1905 и особенно 1917 гг. сообщили новую актуальность революционным традициям и юныя 1848 г. Работы Ленина, особенно написанные в период между Февралем и Октябрем, ярко показывают, как часто обращается он к этой эпохе революционного прошлого пролетариата, ища в ней уроков для революционной борьбы настоящего. «Французский социалист Луи Блан, — читаем в появившейся 21 апреля статье «Луиблановщина», — в революцию 1848 года печально прославил себя тем, что с позиции классовой борьбы перешел на позицию мелкобуржуазных иллюзий, прикрашенных фразологией якобы «социализма», а на деле служащих лишь украшению влияния буржуазии на пролетариат. Луи Блан ждал помощи от буржуазии, надеялся и возбуждал надежды, будто буржуазия может помочь рабочим в деле «организации труда», — этот неясный термин должен был выражать социалистические стремления». «Луиблановщина», — продолжает Ленин, — одержала теперь полную победу в «социал-демократии» правого фланга партии О. К., в России». «На очереди дня, — заканчивает он, — решительная, бесповоротная размежка с Луи Бланами, Чхеидзе, Церетелли, Стекловыми, партией О. К., партией с.-р. и т. п. и т. п. Разъяснение массам, что луиблановщина губит и загубит успех дальнейшей революции, успех даже свободы, если массы не поймут вреда этих мелкобуржуазных иллюзий и не присоединятся к сознательным рабочим в их осторожных, постепенных, обдуманых, но твердых и немедленных шагах к социализму».

Два месяца спустя, 29 июня, появляется статья «Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки?» «Вспомним классовую роль Кавеньяка, — пишет здесь Ленин. — В феврале 1848 года монархия была свергнута во Франции. Буржуазные ресубликанцы у власти. Они также, как наши кадеты, хотят «порядка»... Они также, как наши кадеты, хотят положить конец революции, ненавидя революционный пролетариат, с его еще очень неясными тогда «социальными» (т. е. социалистическими) стремлениями. Они также, как наши кадеты, относились с беспощадной враждебностью к политике перенесения французской революции на всю Европу, к политике превращения ее в мировую пролетарскую революцию. Они также, как наши кадеты, использовали искусно мелкобуржуазный «социализм» Луи Блана, взыв его в министры, превратив его из вождя социалистических рабочих, каким он хотел быть, в придаток, в прихвостень буржуазии... Другой основной общественной силой была мелкая буржуазия, колеблющаяся, запуганная красным призраком, подававшаяся крикам против «анархистов»... Третьей решающей классовой силой был пролетариат, который стремился не к «примирению» с буржуазией, а к победе над ней, к безбоязненному развитию революции вперед и при том в международном масштабе. Вот какова была объективная историче-

ская обстановка, породившая Кавеньяка. Колебания мелкой буржуазии «отстрашили» ее от роли активного деятеля, и, воспользовавшись ее боязнью довериться пролетариям, французский кадет, генерал Кавеньяк, пошел на разоружение парижских рабочих, на массовый расстрел их. Революция кончилась этим историческим расстрелом...»

От этой исторической справки Ленин переходит к оценке текущего момента классовой борьбы в России. Цитируя заявление «Рабочей газеты» по адресу большевиков: «Когда придет настоящий Кавеньяк, мы будем бороться вместе с вами, в одних рядах», Ленин напоминает, что эта газета есть «орган той самой меньшевистской партии, член которой, министр Церетелли, договорился в своей печальной знаменитой речи до угрозы разоружения петроградских рабочих». Обращаясь к меньшевикам и эсерам, Ленин разоблачает их в том, что они «имея заведомое большинство в данную минуту в стране», дают «преобладание в правительстве, т. е. превосходную базу для работы» тому классу контрреволюционной буржуазии, проводником политики которого и является Кавеньяк. «Было бы болото, а черти найдутся. Была бы шаткая, колеблющаяся, боящаяся развития революции мелкая буржуазия,—появление Кавеньяков обеспечено». Правда, обстановка в России 1917 года много благоприятнее для пролетариата, чем обстановка во Франции 1848 года: «империалистская война, соседство более передовых (а не более отсталых, как у Франции тогда) стран, аграрное и национальное движение». «Но все это может изменить лишь форму выступления Кавеньяков, момент, внешние поводы и т. п.». «Исключительно от стойкости и бдительности, от силы революционных рабочих России,—заканчивает Ленин,—зависит победа или поражение ждет русских кавеньяков...»

История решила вопрос в пользу пролетариата. Его передовые отряды в России сумели «выйти из наших июньских и июльских дней без массового обескровления». Партия большевиков сумела не только сохранить, но и колоссально усилить свое влияние на массы. Выступление русского Кавеньяка — Корнилова — провалилось: за ним пришел Октябрь.

В наши дни, когда загнывающий капитализм корчится в судорогах небывалого экономического кризиса, перерастающего в ряде стран в кризис политический, когда в шестой части света 15-й год победоносно развивается знамя пролетарской диктатуры, успешно строящей социализм, — международная буржуазия в поисках «спасителя» все больше и больше заглядывается на фигуры больших и малых «спасителей общества», действовавших в те периоды исторического прошлого, когда в ходе классовой борьбы последнее слово оставалось за эксплуататорами. Отсюда та своеобразная «реабилитация» памяти кровавых усмирителей пролетарских движений, которою более усиленно, чем когда-либо, занимаются теперь буржуазные и социал-фашистские историки. Под их пером палач Кавеньяк превращается в «героя», в «благородную фигуру», «в патриота столь же твердого, сколь и бескорыстного». Французский генерал Ибо, автор вышедшей в 1930 г. большой апологетической биографии Кавеньяка, с откровенностью солдата выбалтывает классовую установку этого своего «труда»: «В наше время, когда силы анархии кажутся более угрожающими, чем когда-либо, те, кому предстоит с ними биться, найдут для себя немало полезных уроков в истории июньских дней».

Революционные рабочие всего мира должны крепко запомнить эти слова. Мировая буржуазия в поисках выхода из кризиса готовит новую июньскую бойню. Но она будет сорвана. Поручкой в этом служит растущая босая энергия пролетариата, экономические бои которого все чаще и чаще перерастают в политические, в борьбу за свержение диктатуры капитала. Как неравномерно ни протекает в отдельных странах революционный процесс, его нарастание очевидно. От авангарда рабочего класса — комму-

нистических партии — зависит скорейшее приближение дня победоносной пролетарской революции во всем мире. Чем решительнее будет их позиция на всех участках классового фронта — экономическом, политическом, теоретическом, — чем беспощаднее будет их борьба против всех извращений марксизма-ленинизма, против всех уклонов от генеральной линии ВКП(б) и Коминтерна, тем скорее наступит этот день. Наследникам Кавеньяка, наследникам всех французских, германских, венгерских, финских, китайских и иных Кавеньяков, фашистским и иным палачам пролетариата, а также их социал-полицейским лакеям придется тогда уплатить по историческому счету полностью и целиком

все материалы

о революциях 1848-1849 гг.:

<http://istmat.info/node/28559>

„...но пролетариат и в самом своем поражении стоит на уровне великой всемирно-исторической борьбы; не только Франция, вся Европа дрожит перед июньским землетрясением...“

МАРКС

„...а когда парижское восстание нашло себе отклик в победоносных восстаниях вены, жилава, берлина; когда вся Европа, вплоть до русской границы, была вовлечена в движение; когда затем в июне произошла в Париже первая большая битва за господство между пролетариатом и буржуазией; когда самая победа буржуазного класса настолько поколебала положение буржуазии во всех странах, что она снова бросилась в объятия только что свергнутой монархическо-феодальной реакции, — тогда, принимая во внимание обстоятельства того времени, для нас не могло оставаться места сомнениям на тот счет, что началась великая решительная борьба, которая составит один длинный и богатый переменами революционный период, но которая завершится лишь окончательной победой пролетариата...“

ЭНГЕЛЬС